

Герольд БЕЛЬГЕР

МИМОХОДОМ

Редакция журнала «Простор», предваряя публикацию конкурсных эссе в честь 90-летия Герольда Бельгера, начинает печатать не публиковавшуюся ранее рукопись книги «Мимоходом», озаглавленную самим писателем и предоставленную его дочерью Ириной Герольдовной Ковалевой.

Маленький человек

– Ну что я могу? – заканючил он привычно. – Я ведь человек маленький!

Так он говорит каждый раз при встрече и – я заметил – с каким-то даже удовольствием. Не говорит, а будто мурлычет, выпевает жалобно-любовно: «Я маленький... ма-а-а-ленький человечек. Разве от меня что зависит?»

Гляжу на него сбоку. Хм-м... Никакой он вроде не маленький. Наоборот, росл, упитан, гладок, руки-ноги на месте, одет, обут – всё как полагается.

– Что вы, что вы! – говорит он. Не говорит – шелестит, шуршит, точно палый лист под ногами. – Что я могу? Нет, нет... увольте, я человек маленький. Мое дело – хе-хе, извините, – сопеть себе в две дырочки да поглядывать по сторонам. Особенно на перекрестках. Тут, знаете, всякое случается...

Видно, ему немножко неловко от моего молчания. Маленький человек любит, чтобы его пожалели, чтобы ему посочувствовали, хотя бы прониклись его положением. И он говорит-шелестит, шелестит-шуршит:

– Ну-у... Вы скажете тоже: «бороться». Я жить хочу... понимаете... жить, просто, тихо. Пусть другие борются. А я, прошу прощения, не борец. Я всего лишь маленький человек. От меня ничего требовать нельзя. Сказано: знай, сверчок, свой шесток.

Маленький человек, я тебя знаю!

Ах, как хорошо, как удобно, как выгодно во все времена, во всех случаях жизни быть маленьким человеком! Отсиживайся в сторонке, не выступай, не высывайся, не говори ни «да», ни «нет», бормочи что-нибудь невнятное себе под нос и всегда и всюду тверди: «Я маленький... Маленький человек. Какой с меня спрос?!»

Пусть другие, разные зубры, киты, львы или как их там, сталкиваются, ошибаются, в кровь бьются, надсаживаются, надрываются, пусть, на то они и большие, сильные, видные, а я – что... Я маленький, мое дело сторона, не мешайте мне копошиться в моем закуточке да озираться по сторонам, да уши держать торчком и нос по ветру, да топать – трусью-трусью – по пыльной дорожке бытия, не сбиваясь на обочину. Нам, маленьким, нельзя сбиваться, нельзя ошибаться, это всё – привилегия больших. Наше дело – не зевать, доли своей не упускать, ни-ни, ни за что, крепко помнить свои права, твердо усвоить мудрость, заповеданную предками: кобчик в руках лучше сокола в небе; чем курица завтра, лучше яйцо сегодня; чем издалека возить арбой, лучше с близи натаскать торбой; лучше свой теленок, чем общая корова; курочка по зернышку клюет и сыта бывает.

Главное, маленький человек, устраивайся поудобней, поуютней да потеплее, ешь и пей повкусней да спи побольше, и не смущай душу свою чьей-то маятой, чьим-то смятением, какое тебе дело до чужих тревог, ведь ты человек маленький, всего лишь песчинка в мироздании. Тебе о здоровье своем следует позаботиться, о семейном благополучии, о детках, о супруге, о потомках, ой-ой-ой, сколько у тебя забот, сколько хлопот в этой жизни ложится на твои слабые плечи, так к чему тебе еще разные проблемы, их ведь большие и сильные выдумали, эти самые зубры, киты, львы или как их там, для утверждения своих гипертрофированных амбиций, им-то ведь больше всех надо, ну и пусть, пусть тешат свое непомерное тщеславие, свое самолюбие, честолюбие, свое большое «Я», пусть мучаются и терзаются, решая какие-то там глобальные задачи, пусть хоть переглобальятся, а ты маленький, малюсенький, твоя хата с краю, твой аул на отшибе, в овраге, пусть уж они, большие, себе головы ломают...

«Я маленький! Я маленький!» – твердит себе маленький человек упоенно.

«Маленький» – для маленького человека как большая награда.

«Маленький» – его жизненное кредо.

«Маленький» – его позиция.

«Маленький» – его совесть, его честь, его любовь, его ненависть.

Маленький человек очень заботится о своем здоровье. И очень печется о своих нервах и клетках. Он где-то слышал, что клетки не восстанавливаются, и страшно испугался. Он постоянно помнит о них – о своих нервах и клетках, о своем сердце и давлении. И ему хочется, чтобы все вокруг только и делали, что щадили его нервы и клетки, помнили о всех его прыщиках. Ведь маленький человек больше всего любит покой.

Что-что?.. Общественные проблемы? Политика? Боже упаси! Зачем это маленькому человеку? Пусть этим занимаются большие, им ведь до всего дело, а маленький человек – что он может, что от него зависит? Нет уж, увольте, он тут ни при чем...

Маленький человек обычно большой скептик. Почти всем на свете он недоволен. Всё вокруг делается не так, всё происходит неправильно, и он это, конечно же, видит, как же, как же, он такой глазастый, такой приметливый и понятливый! Только он делает вид, что ничего не видит и не слышит, и говорить громко о том, что видит и слышит, решительно, принципиально не желает: зачем, он ведь маленький, кто его услышит?..

Ах, хорошо маленькому человеку! Славно! Придумали тоже: жизнь – борьба. Чёрта с два! Жизнь – благодать! Сплошные удобства! Надо только уметь устроиться на этом свете. Маленький человек это умеет. Ни за что он не отвечает. Никому никогда он не должен. У маленького человека ведь и обязанности маленькие-маленькие, и ни за что душа не болит, так, разве что чуть-чуть иногда, самую малость. Какая уж, простите великодушно, ответственность, если он маленький, если он не умеет, не способен, какой с него навар, он ведь такой маленький, этот маленький человек!

Не трогайте его, дайте ему, бедному человеку, спокойно жить, тихо, в тепле и сытости, в своей квартире, с покладистой и скромной женошкой, со всеми удобствами, как же, он ведь человек, хоть и маленький, гражданин всё-таки, член... как его... общества, права его оговорены и зафиксированы, но ради бога, больше от него ничего не желайте, не требуйте и даже не просите, он же маленький! Пусть все делают, за всё отвечают, пусть себе волнуются, силы тратят, нервы жгут, головы ломают, перестраиваются, если так уж им надо, жизнь ускоряют, коли невтерпеж, им ведь как-то всё видней и

сподручней. На то они и большие. А он – ах, такой маленький-маленький, что сам себе умиляется, сам себя жалеет...

Только не жаль его, нет, не жаль!

Так и хочется взять его за шиворот, встряхнуть хорошенько, повернуть лицом к большой жизни, швырнуть в самый её водоворот, крикнуть: «Хватит! Не юли! Не изворачивайся! Не забивайся в угол! Не скули! Скажи громко и честно, кого и что любишь, кого и что ненавидишь. Не цепляйся за чужой подол! Не прячься за чужую спину! Не дрожи из-за своей мышиной корысти. Смейся громко! Пой во весь голос! Гляди прямо! Не выкручивайся! Сбрось с себя удобную шкуру маленького человека. Сколько же можно быть маленьким?!»

Оглянись вокруг! Посмотри вдаль!

Боюсь...

Что и говорить... жизнь прожить – не поле перейти. Ухабов и рытвин предостаточно. И вся она, жизнь, полосная. И всё равно прекрасна, заманчива, сплошь из тайн. И человек рожден для счастья. Банально.

Но преследует человека страх, как тень.

Разные страхи преследовали мое поколение с детства: черные вести с фронта, лишения, нехватка, бесконечные житейские испытания, страх перед неопределенностью, постоянные политические шарахания, вереница глупых, несурзных кампаний (помню, как в глухом ауле активно боролись с космополитами, не понимая, кто они такие, с формалистами и авангардистами, рьяно обсуждали лжеучение академика Марра, экономические вопросы социализма, даже московских убийц в белых халатах... бог ты мой, с кем мы только не боролись!). Нам втолковывали: будь бдителен, враг не дремлет, идет гигантское сражение двух систем, мы в кольце врагов, жизнь – это борьба, опасайся происков империализма, и этот зыбкий, липкий страх держал всех от мала до велика в постоянном напряжении.

Но мои личные страхи этим не исчерпывались: депортация, репрессия, ограничение в элементарных человеческих правах, комендатура, МВД, КГБ, секретные постановления властей, страх, что заберут отца в трудармию или еще куда похуже, что выгонят из школы, из пионеров, не дадут паспорта, исключат из института за то, что ты спецпереселенец (со мною это случилось дважды – в 1953 и 1954 годах). Было, было...

А далее страхи бездомья, безденежья, обострения коварной болезни, социальной ущемленности. Страх во мне укоренился так глубоко, что, когда в 1973 году я пошел на прием к секретарю ЦК КПК по идеологии Саттару Имашеву, я перед массивной дверью его кабинета облился холодным потом. Долго барахтался в тине страха. Свободу духа, вкус вольности я испытал впервые в 1988 году, будучи десять счастливых дней во Франции, в Париже. До того я и не представлял, что человек может жить без страха.

А в 1994 году, накануне своего 60-летия, когда я уже был депутатом Верховного Совета Казахстана, мне прислали из областного архива Петропавловска справку о реабилитации. Представляете?

Ныне живу без страха. Разве что остается страх перед хворостями-недугами и неизбежным. Но это и не страх вовсе, а, скорее, некий психологический дискомфорт, сознание извечных законов бытия. Это свойственно всем, в ком теплится душа.

Между тем страх в мире существует и продолжает сопровождать человека всю жизнь. Страх перед мировым кризисом, перед происками полити-

ков-вершителей людских судеб, перед мелкими амбициозными фюрерами, постоянно булгачащими народ. Вот недавно (23.08.2008) в газете «Айқын» некий Кожа-Ахмет Демеубергенұлы опубликовал стихотворение «Қорқам» («Боюсь...»). Так чего же боится автор? Вот чего – в моем прозаическом изложении на русском: боюсь роста цен, взлетевших до небес; боюсь неумного хвастовства «дяди» («көке»), из-за чего в пору провалиться сквозь землю; боюсь верениц академиков, насаждающих невежество; боюсь некачественных товаров, не нужных никому; боюсь обескровленного родного казахского языка; боюсь, что родную землю захлестнут полчища китайцев; боюсь богатства, пущенного на ветер; боюсь богатеев, ограбивших народ и готовых сигануть за кордон; боюсь коррупционеров, раздирающих страну; боюсь, что простой люд окажется без приюта; боюсь околпаченных грядущих поколений, кусающих локти; боюсь злорадствующих завистников; боюсь депутатов парламента, живущих под угрозой роспуска; боюсь своих штанов, которые однажды могут лопнуть...

Все сказано в поэтической форме, с горьким юмором. Однако эти страхи знакомы всем членам казахстанского общества. Даже в стабильном, благополучном (сравнительно) Казахстане страхи-сомнения, боязнь-тревога гнездятся в душах людей.

Что же остается? Постоянный тренинг, внушение себе: не бойся, не дрожи, жизнь прекрасна, и ты рожден для счастья, и не умирай раньше времени.

ВНИМАНИЮ НАШИХ АВТОРОВ!

Редакция республиканского журнала «Простор» объявляет **ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «ВОЛЬНЫЕ СТРОКИ»** имени выдающегося писателя Герольда БЕЛЬГЕРА (1934–2015), посвященный его 90-летию, которое отмечается в этом году. Конкурс назван так по ассоциации с его знаменитой книгой «ПЛЕТЕНЬЕ ЧЕПУХИ».

Ждем от вас сочинений в жанре короткого эссе, которые вы считаете достойными внимания любителей и ценителей слова, несущего глубокий смысл и отточенную форму.

Произведения, отобранные жюри, будут публиковаться в очередных выпусках журнала, а итоги конкурса будут подведены и объявлены в 12 номере «Простора».

Для победителей учреждены премии:

**Первое место – 100 тыс. тенге;
два вторых – по 75 тыс. тенге;
три третьих – по 50 тыс. тенге.**